

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Крохина Н.П., Ершова Л.В., Астахов О.Ю., Романова К.Е., Океанская Ж.Л., Маслов В.Г., Валькевич С.И. —
Культурологический смысл концепта «воля» в поэзии К.Д.Бальмонта // Культура и искусство. – 2023. – № 12.
DOI: 10.7256/2454-0625.2023.12.69363 EDN: AUVDVY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69363

Культурологический смысл концепта «воля» в поэзии К.Д.Бальмонта

Крохина Надежда Павловна

доктор филологических наук

профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйского филиала ГОУ ВО
"Ивановский государственный университет"

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ nadin.kro@mail.ru

Ершова Людмила Викторовна

доктор педагогических наук

профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйского филиала ГОУ ВО
"Ивановский государственный университет"

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ ershova_l@bk.ru

Астахов Олег Юрьевич

ORCID: 0000-0002-2764-7686

доктор культурологии

профессор; заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения; Кемеровского
государственного института культуры

650056, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17

✉ Astahov_oleg@mail.ru

Романова Каринэ Евгеньевна

кандидат педагогических наук

профессор кафедры технологии, экономики и сервиса Шуйского филиала ГОУ ВО "Ивановский
государственный университет"

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ rectorat@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна

доктор культурологии

профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская
пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

153040, Россия, Ивановская область, г. Иваново, ул. Проспект Строителей, 33

✉ ocean_2004@mail.ru

Маслов Виктор Георгиевич

кандидат филологических наук

профессор кафедры русского языка и методики обучения Шуйского филиала ГОУ ВО "Ивановский государственный университет"

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ vgmas@mail.ru

Валькевич Светлана Ивановна

доктор культурологии

профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала, ГОУ ВО "Ивановский государственный университет"

155900, Россия, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24

✉ svalkevich@yandex.ru

[Статья из рубрики "О поэзии и прозе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2023.12.69363

EDN:

AUVDVY

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2023

Дата публикации:

29-12-2023

Аннотация: Целью статьи является раскрытие культурологических смыслов, которые для поэта были связаны с концептом «воля». Для достижения данной цели мы прослеживаем эволюцию творчества поэта, в котором культурологический смысл концепта «воля» раскрывается через цепочку взаимосвязанных и взаимодополняющих смыслов: безбрежное хотение поэта-символиста, порыв вдаль и ввысь, обретение свободы, восхищение вольным миром и открытие в природе высшего Божественного – творящего начала. Показано, что концепт «воля» воплощает в поэзии Бальмонта сущность Божьего мира, обращает к основам русской культурной ментальности, раскрывает сближение Божественного и человеческого, свободного и творящего начал как доминант культурологического мировосприятия поэта серебряного века, а также корректирует традиционное представление о поэте как представителе культуры импрессионизма. В нашем культурологическом исследовании методология основана на синхроническом, структурно-функциональном, биографическом, историко-культурном методах. Концепты как единицы «ментальности данной культуры», являются предметом пристального научного изучения как филологов, лингвистов, так и культурологов, философов,

психологов. Лингвокультурный подход позволяет получить научные результаты, реализовав меж- и трансдисциплинарные связи при изучении феноменов культуры, которые базируются на естественном языке. Таким образом, концепт «воля» в поэзии Бальмонта сочетает в себе устремление к простору, вширь и ввысь – к бесконечности, свободе, родство поэта с Божественно-свободными и вечно изменчивыми стихиями Божьего мира и творящее начало как постижение души мира и собственной «полновольной» души. Культурологический смысл концепта «воля» воплощает сущность Божьего мира и души поэта. Концепт «воля» в своей многогранности – один из ключевых в поэзии Бальмонта и обращает к основам русской ментальности, а также раскрывает сближение Божественного и человеческого, свободного и творящего начал как доминант мировосприятия поэта серебряного века.

Ключевые слова:

Воля, свобода, простор, дух наш вольный, вольный мир, творящая воля, вечная воля, Константин Дмитриевич Бальмонт, серебряный век, концептосфера

Введение: Концепты как единицы «ментальности данной культуры» [\[1, с. 40-41\]](#), являются предметом пристального научного изучения как филологов, лингвистов, так и культурологов, философов, психологов. Лингвокультурный подход позволяет получить научные результаты, реализовав меж- и трансдисциплинарные связи при изучении феноменов культуры, которые базируются на естественном языке. Вслед за С.А. Аскольдовым мы определяем концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [\[2, с. 269\]](#). Такое понимание обрело признаки научной парадигмы и имеет свою традицию, согласно которой культура суть реализация связей концептов [\[3\]](#). Для наших целей особо значимы работы В.И. Карасика, указывающего на то, что «культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими... единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими... повторяющиеся фрагменты социальной жизни» [\[4, с. 172\]](#). Концепт, согласно такому подходу, является основной единицей сознания, имеет «овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами» [\[5, с. 5\]](#). В.И. Карасик подчеркивает, что анализ содержания концепта становится достоверным, то есть релевантным и проверяемым именно через эмпирический подход, через анализ совокупности языковых средств. Важной вехой в научных исследованиях, исследующих язык и мышление, стала теория когнитивной метафоры (Лакофф Дж., Джонсон М.), пронизывающей «нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [\[6, с. 27\]](#).

В работах Н.А. Молчановой, Т.С. Петровой и др. намечается описанный подход к изучению художественного мира писателя через анализ его концептосферы. В центре нашего внимания – «воля» как один из ключевых культурологических концептов в творчестве К.Д. Бальмонта. Обращение к нему корректирует традиционное представление о поэте как представителе культуры импрессионизма [\[7, с. 392-418\]](#). Необходимо раскрыть те многие культурологические смыслы, которые для поэта были связаны с концептом «воля». Для достижения данной цели мы прослеживаем эволюцию творчества поэта, в которой концепт «воля» раскрывает цепочку взаимосвязанных и взаимодополняющих смыслов: безбрежное хотение поэта-символиста, порыв вдаль и

ввысь, обретение свободы, восхищение вольным миром и открытие в природе высшего Божественного начала. Воля воплощает сущность Божьего мира. Источник свободы поэта – его «полновольная душа» и высшая воля как творящая воля.

Результаты исследования. В работе 1924 г. «Русский язык: Воля как основа творчества» Бальмонт писал: из всех слов русского языка «больше всего я люблю слово – Воля. Так было в детстве, так и теперь. Это слово – самое дорогое и всеобъемлющее» [\[8, с.252\]](#). Словообраз концепта «воля» является ключевым в поэзии Бальмонта 90-х гг. и периода расцвета в начале XX в.

В записной книжке 1904 г. Бальмонт писал «о доминанте своей поэзии: его творчество началось «с печали, угнетённости и сумерек.., под северным небом, но силою внутренней неизбежности, через жажду безгранного, безбрежного, через долгие скитания...подшло к радостному свету...Мост, который создаёт мечта, уводит в вольные манящие дали.., от гнёта к глубокому вздоху освобожденья» [\[9, с. 22\]](#).

Уже в книге «Под северным небом» поэт писал:

«Хмуро северное небо,

Скорбны плачущие тучи...

Прочь душа отсюда рвётся,

Жаждет воли и простора» [\[9, с.32\]](#).

Жажда воли и свободы неотделима от становления Бальмонта-символиста с его устремлением от внешней реальности к внутренним реальностям и связана и с порывом вдаль «жажда воли и простора», и с восхождением:

«Бестрепетно иди всё выше – выше...

Пока перед тобой не развернётся

Воздушная немая бесконечность,

Где время прекращает свой полёт.

Тогда познаешь ты, что есть свобода

В разумной подчинённости Творцу,

В смиренном почитании природы» [\[9, с.23\]](#).

В жажде свободы поэт устремлён в бесконечное, безгранное, «прочь от грани тесной» [\[9, с. 127\]](#), им владеет порыв «слиться с природой, прекрасной и вечной» [\[9, с.31\]](#).

Желанная свобода неотделима от жажды крыльев:

«О, если б мне крылья орлиные,

Свободные сильные крылья, –

Чтоб мог я на них улететь в безграничное царство лазури» [\[9, с. 35-36\]](#).

И эти крылья поэт обретает в своём становлении, называя себя в 1910-е гг., обращаясь

к России, «крылатый твой сын» [\[10, с. 412\]](#).

Для Бальмонта-пантеиста характерен типично романтический мотив восхищения свободной стихией:

«Светлый свободный журчащий ручей»;

«Исполинские горы...

Вы всегда благородны,

Неизменно прекрасны,

От стремлений свободны,

К человеку бесстрастны»;

«Может ли ветер свободный кому покориться?»; [\[9, с. 49, 63, 69\]](#).

Везде в природе поэт видит присутствие высшего, свободного начала: на зов свободного от мёртвых оков зимы ручья «Вольный отклик послышится в чаще лесной»; «всё живёт» в «вольной вышине»; «дразнят свободные птицы» [\[9, с.73, 75, 130\]](#).

Эти образы свободы неотделимы от образа Творца в поэзии Бальмонта, присутствие которого порождает литургические мотивы его лирики:

«Уж ночь зажигает лампы

Пред ликом пресветлым Творца»;

«Во всём следы таинственных велений,

Во всём видна Создателя рука»;

«Звёзды золотые блещут без конца.

Звёзды прославляют Господа Творца»;

«Звёзды – вечные души.

Звёзды свечи зажгли» [\[9, с. 105, 111, 116, 305\]](#); см. также [\[9, с.118, 120, 141, 316 и др.\]](#).

Потому и человек призван быть свободным творцом. Обретение свободы – основа того преображения, которое переживает поэт. Об этом цикл «Воздушно-белые» в книге «Тишина». Поэт творит свой миф о «стихийном гении» [\[9, с. 137\]](#): «Я услышал таинственный зов...Мне открылось, что времени нет... Я царь над царством живых видений, Всегда свободный, всегда один». В своём преображении поэт обретает единство с самой динамичной природной стихией – ветром и волнами: «Со мною ветер, и всё морское, Всё то, что чуждо для дум земных» [\[9, с.139\]](#).

И наконец, кульминация преображения:

«Я вольный ветер, я вечно вею,

Волную волны, ласкаю ивы,

В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,

Лелею травы, лелею нивы».

Через звукопись поэт растворяет это вольное начало в мире природы. Вольному ветру внимлет и немая Лазурь, и бурное море. Он вечно другой – то нежный и лёгкий, то бурный «Взметаю тучи, взрываю море» [\[9, с. 140\]](#).

Продолжение мифа о «стихийном гении» в том же цикле – превращение «золотой звезды» в цветок:

«Золотая звезда над землёю в пространстве летела,

И с лазури на сонную землю упасть захотела.

Обольстилась она голубыми земными цветами...

И, земли не коснувшись, рассыпалась яркою пылью» [\[9, с. 141\]](#).

«Вольное сердце» поэта «трепещет восторженно вольною радостью птиц» [\[9, с. 156, 153\]](#). Это «вольное сердце» и стремление «к воле» связывается с воспоминаниями усадебного детства: «Всё любил ты сердцем вольным»; «Сладко дышится на воле» [\[9, с. 156, 272\]](#).

Единение со стихиями становится доминирующим мотивом бальмонтовской поэзии:

«Я брат не людям, а буре и ветру,

Я брат холодной равнине морской...

О волны морские, родная стихия моя,

Всегда вы свободно бежите в иные края» [\[9, с. 185-186\]](#).

Обретение свободы неотделимо от обретения мирового сознания: «Мне близки и звёзды, и волны, и горы...Я знаю полную свободу...Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн... Мир вошёл в меня» [\[9, с. 208\]](#).

Эта свобода выражает себя в бесконечных бальмонтовских перевоплощениях: в испанца «Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса...я пройду по океанам...» [\[9, с. 213\]](#), скифа: «Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов, Только воля одна нам превыше всего дорога», «вольного араба» [\[11, с. 113\]](#).

Уже в книге «Горящие здания» воля поэта и воля, растворённая в природных стихиях, начинает связываться с высшей, Божественной волей: поэт – «избранный, мудрый, посвящённый, сын солнца» чувствует свою «близость к Божеству» и видит «в жизни знак безбрежной воли» [\[9, с. 250-251\]](#). Неволья поэта только в себе самом – его разуме или обманности чувства [\[9, с. 251\]](#). Эту неволю поэт преодолевает своей программной изменчивостью:

«Мой дух изменчивый стремится каждый миг»;

«И я, как дух волны морской,

Среди людей брожу»;

«Я предан переменчивым мечтаньям,

Подвижным, как текучая вода»;

«Я –вольный сон, я всюду и нигде...

Я дух, я маг, я страж мирознания» – в этом «таинство творчества»[\[9, с. 254, 257, 268, 293\]](#).

Поэт познаёт «блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным» [\[1, с.302\]](#).

Этот порыв к свободе неотделим от восхождения: «Туда, туда! За грани вечных гор! Вершины спят. Лазурь, покой, простор» [\[9, с. 307\]](#). Божественно-свободные и вечно изменчивые стихии поэт прославляет в книге «Будем как солнце» и свою причастность к ним: огонь «Ты меняешься вечно, Ты повсюду – другой...Я такой же, как ты»; океан, «мой древний прародитель...Ты никем не скованная цельность»; «Ветер, вечный мой брат, Ветер гор и морей» [\[9, с. 320-321, 329, 343\]](#).

Только стихиям подвластен поэт: о луне – «Она холодный свет прольёт, И волю чарами убьёт, Она сибилла и колдунья» [\[9, с.327\]](#). Поэту открыт «вольный мир» [\[9, с.357\]](#). «И о вольном красном солнце сердце мне поёт» [\[9, с.123\]](#). Со стихиями и порывом к бесконечному связаны и образы любви в поэзии Бальмонта: «Умчимся с тобой в бесконечность»; «моя любовь – бездонность, бесконечность»; «Ты лёгкая волна, играющая в море»; «Ты навеки свободное лето»[\[9, с. 106; 11, с. 42; 9, с. 385; 11, с. 45\]](#).

Программным в книге становится стихотворение «Воля», посвящённое В. Брюсову. Поэт послушен лишь своему сердцу, его девиз «Буду вольным и красивым, буду сказкой золотой». Подобно стихиям – он вечно другой: «Солнце ландыши ласкает, их сплетает в хоровод, А захочет – и зардеет – и пожар в степи зажжёт». Но главное – воля: «Неизменной сохраню я душу вольную мою» [\[9, с. 359-360\]](#), которую поэт видит в природных стихиях:

«Свобода, свобода! Кто понял тебя,

Тот знает, как вольны разливные реки» или вода между скал – «Только волей своей дорожит» [\[9, с.363, 367\]](#). В этой свободе – игра («играет ветер», «играет вода»[\[9, с. 244\]](#) и «хаос мироздания» [\[9, с. 19\]](#), которые прославляет поэт, но в конечном счёте – чувство «бесконечного в конечном» [\[9, с. 376, 392\]](#).

Утверждая приоритет света «Будем как солнце», Бальмонт утверждал приоритет высшего Божественного начала: «Ярко только Солнце, вечен только Бог!», жизнь – таинство, открытое поэту: «Наша жизнь есть чудо в вечном чуде, Наша жизнь – и здесь, и вечно там». Источник воли – «дух наш вольный». «Но, стремясь, греша, страдая, плача, Дух наш вольный был всегда храним» этим высшим Божественным началом [\[9, с. 450-451\]](#).

За хаосом мироздания поэту ведома вечная гармония, за прославлением изменчивых стихий поэт открывает литургичность бытия: «Туман лугов, как тихий дым кадил, Встаёт хвалой гармонии безбрежной»; «Земля и небо – свод немого храма» [\[9, с. 485, 449\]](#). Поэт – «вольный ветер» или свободная волна («Если б был я звенящей блестящей свободной волной» [\[11, с. 11\]](#) осознаёт своё родство со своим ангелическим и вольнолюбивым предком: «Не так ли предок мой вольнолюбивый, Ниспавший светоч ангельских систем... Он поразился блеском мироздания» [\[9, с. 485\]](#).

Воля как порыв освобождения и преодоления тесного земного удела – это и порыв

вдаль, «в просторы вольной дали» и вечное стремление ввысь – бесконечное, безбрежное, запредельное: «С небесным я душой не разлучаюсь», «небо – простор бесконечный»; «сердцу хочется к безбрежному приволью» [\[11, с. 33, 29, 34, 66\]](#).

Суть «стихийного гения» – прославление свободных стихий: «вольный ветер», «свободная волна», «вольная луна»: «Вольной луною со мною венчанная» [\[11, с. 41\]](#). Его выбор – быть свободным: «Будь свободным, будь, как птица...Ты свободный луч, горящий – в водопаде и в росе» [\[11, с.71\]](#). Ибо поэт – «слагатель вещей песен», «мудрец и царь» [\[11, с.73\]](#). Воля воплощает сущность Божьего мира: «И волей созвездий второй мы увиделись раз»; «И сердцу хочется к безбрежному приволью», «Чу, песня пронеслась по вольному раздолью»; «Над простором вольным водной глубины Дымно дышат чары царственной луны»; «Я оваян дыханьями вольных морей» [\[11, с. 46, 66, 74, 267\]](#).

Прославляя «аккорды мироздания» [\[11, с. 57\]](#), в своём стремлении к цельности и всеприятию мира Бальмонт периода «Будем как солнце» и «Литургии красоты» проходит через этап символистского панэстетизма: «Люблю я свет и тьму»; «Я люблю тебя, Дьявол, я люблю тебя, Бог» [\[11, с. 61, 93\]](#). Но преодолевая все сомненья и блуждания «Я мёртвая тяжесть – от вольного лёта, От счастья и света иду в темноту» [\[11, с. 79\]](#), конечный выбор поэта за светом – «В этом правда высшей воли».

Источник свободы поэта – его «полновольная душа» [\[11, с. 83\]](#): «я воля, воля, воля» – восклицает поэт [\[11, с.100\]](#) и высшая воля: «Путь далёк до вечной воли, Но вернёмся мы в неё» [\[11, с. 84\]](#).

Образ Бога-творца становится идеалом для поэта:

«Бог создал мир из ничего.

Учись, художник, у него...и сам, как сказочная птица.

Умчись высоко в небеса,

Где светит вольная зарница» [\[11, с. 85\]](#).

Так свободная воля становится творящей волей. Переход совершается в книге «Только любовь». Поэт преодолевает земную грань, обретает «вольные крылья» [\[11, с. 88\]](#). И ему открывается таинство «Мирового кольца» – название цикла, который завершает книгу «Только любовь». Мир творится: «Творческий молот стучит без конца». Мир – «безгласная поэма»: «Каждый цветок есть изваянный стих, В каждом растении – сага» [\[11, с. 105\]](#). Свободный мир живёт по законам творческой воли. И это «мировое причастие» – «мировое вино» и рождает «только любовь» поэта [\[11, с. 108, 167\]](#).

Стихийные гимны «Литургии красоты» прославляют это творящее начало в мире и душе поэта:

«Я не устану быть живым,

Ручей поёт, я вечно с ним,

Заря горит, она – во мне,

Я в вечно-творческом огне»;

«Не гномом роющим я был средь мироздания...

А саламандрою творящего огня» [\[11, с. 112\]](#).

Таким образом, концепт «воля» в поэзии Бальмонта сочетает в себе устремление к простору, бесконечности, свободе, родство поэта с божественно-свободными и вечно изменчивыми стихиями Божьего мира и творящее начало как постижение души мира и собственной «полновольной» души. Воля воплощает сущность Божьего мира и души поэта.

Те же мотивы мы найдём в книге «Птицы в воздухе»: «Мы вольные птицы», душа – «свободная» [\[10, с. 136\]](#); «Лечу я вольной птицей», «Я привольная волна» [\[10, с. 175\]](#). Мир – «вольная воля» [\[10, с. 210\]](#). «Дорога душ – дорога птиц, Дай быть мне там, где нет границ» [\[10, с. 218\]](#). Воля вела поэта к уходу от современности «Человеков люблю – в ипостаси их древней...В их голосе слышался говор морей», рождая «вселенский свой напев» [\[10, с. 297, 328\]](#).

Воплощением этого ухода и вселенскости поэта становится книга 1916 г. «Сонеты солнца, мёда и луны: Песня миров», в которой поэт прославляет творящее начало и в природе, и в человеке. Это свободно-творящее начало приближает поэта к Богу, порождает Богочеловеческий пафос книги:

«Умей творить из самых малых крох.

Иначе, для чего же ты, кудесник?

Среди людей ты Божества наместник,

Так помни, чтоб в словах твоих был Бог...

Умей хотеть, и силою желаний

Господень дух промчится по струнам» [\[12, с. 18\]](#).

Поэт постигает мировую игру, в которой всегда побеждает свет – это кредо Бальмонта-поэта: «играет в ночь всегда победный свет» [\[12, с. 22\]](#).

Закон природы – закон творчества: «Природа – прихотливейший творец» [\[12, с. 26\]](#). Поэт – на «пирах миротворенья»: «На огненном пиру творящего огня»: «Солнце через свет творит созданья...Я с солнцем знаю счастье ваянья» [\[12, с. 31, с. 35, с. 32\]](#).

К защите воли и свободы – уже в другом историческом контексте Бальмонт возвращается в своих книгах 1920-х гг., образующих единую «поэму о России». В книге «Марево» Божественная «благая воля» и «творящая воля», воплощённая в граде Петра, противопоставлена «злой воле», которая привела к «пролитью крови», забвению «вольной речи» и «вольного разума» [\[13, с. 440, 449-454\]](#).

Книга «В раздвинутой дали» даёт высший, эйдетический образ России: «нет вольней и шире» [\[13, с. 80\]](#). Эту волю воплощают казаки. Казаком был его прадед: «Бесстрашным был ратником, смелый, Мой прадед, херсонец, Балмут». Бальмонт пишет о вольных казаках, которые явились властителями степей и хранителями юга. Кровь казаков тоже текла в его жилах. Так он писал о казаках:

«Казачи, хранители юга,

Властители вольных степей...

Казак – полновольная воля,

Казак – некрушимая крепь». [\[13, с. 23\]](#).

Также поэт прославляет свободу духа:

«Мой дух имеет власть умчаться из оков,

До запредельного – на грань – в безгранность мира», победу воли:

«Отлив смежается с приливом,

Тоска сменяется во мне

Порывом вольным и счастливым,

И в вышнем я тону огне» и «вольный мир» – храм : «Я в вольном, голубом, округлом храме» [\[13, с. 111, 114, 123, 134\]](#).

Торжество воли у Бальмонта всегда «торжество творящего огня» [\[13, с. 137\]](#) – этот мотив завершает его поэму о России.

Вольными душами предстают отец и мать поэта в романе «Под новым серпом». О матери, в жилах которой текла великорусская, а также казацкая и татарская кровь, поэт писал: «Больше всего на свете любила эта юная женщина волю, всю полноту воли, и, любя волю для себя, не могла она и не хотела понять, как кто-нибудь кого-нибудь в чём-нибудь смеет стеснять» [\[12, с. 181\]](#).

В характере отца поэт подчёркивал «глубокое внутреннее отвращение ко всякой насильственности, ко всякой несправедливости, к посягновению на чужую душу и чужую волю...Его дед был с юга, с берега Чёрного моря, где всегда, сравнительно со Средней Россией, больше знали волю..., раздолье степи, воды и неба» [\[12, 189\]](#).

Заключение. Таким образом, концепт «воля» в поэзии Бальмонта сочетает в себе устремление к простору, вширь и ввысь – к бесконечности, свободе, родство поэта с Божественно-свободными и вечно изменчивыми стихиями Божьего мира и творящее начало как постижение души мира и собственной «полновольной» души. Культурологический смысл концепта «воля» воплощает сущность Божьего мира и души поэта. Концепт «воля» в своей многогранности – один из ключевых в поэзии Бальмонта и обращает к основам русской ментальности, а также раскрывает сближение Божественного и человеческого, свободного и творящего начал как доминант мировосприятия поэта серебряного века.

Библиография

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект. 2004. 824 с.
2. Аскольдов С. А., Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 1997. С. 267–279.
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки

- славянской культуры. 288 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.
 5. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с..
 6. Лакофф Дж., Джонсон М., Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС. 2004. 256 с.
 7. Полонский В.В. К.Бальмонт. Новая концепция слова: поэтический импрессионизм // Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX-XX в.: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С.392-418
 8. Бальмонт К. Д. Русский язык: Воля как основа творчества // Бальмонт К. Д. О русской литературе. М.-Шуя: Алгоритм. 2007. С. 249-279.
 9. Бальмонт К. Д. Под северным небом; В безбрежности; Тишина; Горящие здания; Будем как солнце // Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Книговек, 504 с.
 10. Бальмонт К. Д. Птицы в воздухе; Белый зодчий // Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Книговек, 528 с.
 11. Бальмонт К. Д. Только любовь; Литургия красоты // Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Книговек, 480 с.
 12. Бальмонт К. Д. Сонеты солнца, мёда и луны; Под новым серпом // Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Книговек, 528 с.
 13. Бальмонт К. Д. В раздвинутой дали; Марево // Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книговек, 464 с.
 14. Пале, С. Е. Культурные коды Океании и их влияние на мировую цивилизацию / С. Е. Пале // Россия и АТР. – 2023. – № 1(119). – С. 112-132. – DOI 10.24412/1026-8804-2023-1-112-132. – EDN FLQDDD.
 15. Ковальская, А. С. Особенности отображения образа России в путевых письмах К. Бальмонта / А. С. Ковальская // Филологический аспект. – 2023. – № 7(99). – С. 70-77. – EDN ZWXJTJ.
 16. Аксенова, А. А. Трансформация образа пророка и пророческого слова в произведениях К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова в сопоставлении со стихотворением "Пророк" М.Ю. Лермонтова / А. А. Аксенова, К. В. Синегубова // Литературоведческий журнал. – 2022. – № 1(55). – С. 140-154. – DOI 10.31249/litzhur/2022.55.08. – EDN PEIVWS.
 17. Шашнева Е.Н. К.Д. Бальмонт и культура ислама / Е. Н. Шашнева, А. А. Михайлов, С. И. Валькевич, В. Г. Маслов // Культура и искусство. – 2022. – № 12. – С. 1-10. – DOI 10.7256/2454-0625.2022.12.39408. – EDN ZBKIJW.
 18. Уланов, М. С. Буддийские идеи и образы в поэтическом творчестве К. Бальмонта / М. С. Уланов // Россия и буддийский мир: традиции культурного диалога : Материалы научного семинара, Элиста, 23 сентября 2021 года. – Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2021. – С. 34-42. – EDN ARVFMС.
 19. Корниенко, С. Ю. Сибирская степь в эстетических практиках модерна (Константин Бальмонт - Марина Цветаева) / С. Ю. Корниенко // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 4(16). – С. 83-96. – DOI 10.25146/2587-7844-2021-16-4-94. – EDN WIFNBJ.
 20. Осьминина, Е. "Сидеть века и пить душистый чай...". (Китайская культура в восприятии К.Д. Бальмонта) / Е. Осьминина // Русская словесность. – 2020. – № 1. –

С. 101-106. – EDN YUTUNR.

21. Устиновская, А. А. Перевод как форма литературной коммуникации в поэзии Серебряного века: три лирических версии стихотворения Поля Фора / А. А. Устиновская // Научный диалог. – 2020. – № 11. – С. 269-280. – DOI 10.24224/2227-1295-2020-11-269-280. – EDN ESQPFE.
22. Войтехович, Р. С. О русской "безмерности" Цветаевой и заморской "безбрежности" Бальмонта / Р. С. Войтехович // Критика и семиотика. – 2018. – № 1. – С. 31-41. – DOI 10.25205/2307-1737-2018-1-31-41. – EDN XRTXIL.
23. Океанский, В. П. Космос Бальмонта: миры и люди (к 150-летию юбилею поэта-метафизика) / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская, Е. А. Шмелева // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 47. – С. 270-276. – EDN TGCAZR.
24. Океанский В. Ночной Бальмонт. Иная картина мира / Океанский В., Океанская Ж. – С. 162 – (Русские поэты XX века: материалы и исследования. Константин Бальмонт (1867–1942)) Электронные публикации (pushkinskijdom.ru)
25. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Художественный мир К.Д. Бальмонта: поэтическая метафизика ноктурна. – Шуя, 2013. – 124 с.
26. Солнечная пряжа: Научно-популярный и литературно-художественный альманах / под общ. ред. И. Ю. Добродеевой, В. П. Океанского. – Шуя: Издательство Шуйского филиала ИвГУ, 2022. – Вып.16. – 168 стр.
27. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М. : Индик. 2005. 1037 с.
28. Snezko, Julija "I sang the reeds as no one sang before me...": semantics of the swamp in the poetry of K. D. Balmont. Literatūra. 61. 70-83. 10.15388/Litera.2019.2.5.
29. Nalewajk, Żaneta Leśmian's Dreaded Dryads and their Slavic contexts (literary and otherwise) December 2021 Tekstualia 1(7):15-30 DOI:10.5604/01.3001.0015.6680

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет и объект исследования автор представленной в журнал «Культура и искусство» статьи теоретически точно отразил в заголовке («Культурологический смысл концепта «воля» в поэзии К.Д.Бальмонта»): предмет — культурологический смысл концепта «воля», объект — поэзия К. Д. Бальмонта.

Следуя разработанному в отечественной науке лингвокультурологическому методическому канону (Ю. С. Степанов, А. П. Огурцов, В. В. Красных и др.), автор игнорирует необходимость методического сопровождения изложения полученных результатов, подразумевая, что читатель хорошо ориентируется в специфике лингвокультурологии и объеме накопленного этим научным направлением знаний. Без ссылок на конкретные работы автор направляет мысль читателя к авторитету Наталии Александровны Молчановой (Пятигорский государственный университет) и Татьяны Сергеевны Петровой (Ивановский государственный университет), словно кроме них никто творчество К. Д. Бальмонта в России и за рубежом и не изучал, за исключением Вадима Владимировича Полонского, монографию которого (2011) автор упоминает, где среди контекстов отечественной литературы рубежа XIX-XX вв. рассматривается и творчество К. Д. Бальмонта. Складывается впечатление, что творчество К. Д. Бальмонта

не является предметом широких научных дискуссий. Что, конечно же, не соответствует действительности, но автор о том умалчивает (оценка степени изученности темы или проблемной области исследования в статье отсутствует).

Представленный материал в силу слабого методического сопровождения больше соответствует жанру краткого тезисного доклада специальной сессии какой-нибудь научно-практической конференции в узком кругу единомышленников. Но тем не менее, с опорой на анализ эмпирического материала автор вносит свой посильный вклад в аккумуляцию знания о творчестве К. Д. Бальмонта: итоговый вывод хорошо аргументирован и заслуживает доверия.

Предмет исследования, таким образом автором раскрыт на достаточном для публикации в научном журнале уровне, и, за исключением чисто технических описок (слитного написания слов в двух местах: «Необходимораскрыть те многие культурологические смыслы...», «... всегда один». В своём преображении...»), критических недостатков в тексте нет. Однако, рецензент считает необходимым указать автору на упущенные им возможности в плане усиления научной значимости представленной статьи.

Методологии исследования автор не уделяет особого внимания, словно в нарратологии, одним из направлений которой является анализ культурологических (ментальных) смыслов концептосферы литературных произведений, существует исключительный методологический консенсус. Если бы это было так, то нарратологию следовало бы отнести к «мертвым» наукам, исчерпавшим свой дескриптивный и эвристический потенциал, не способным к расширению области нового научного знания, оперирующим исключительно банальными суждениями. Но тем не менее, автор допускает, что его результат может содержать значимую научную новизну, иначе бы не предложил коллегам читать представленный материал. В этом состоит ключевой парадокс представленного материала: автор игнорирует необходимость научной дискуссии, необходимость обоснования актуальности своего исследования, необходимость обоснования новизны полученного результата, словно кроме самого автора никто не заинтересован в публикации результатов его исследования. В итоге представленный материал, образно выражаясь, висит в безвоздушном пространстве: из представленного текста не ясно, зачем и кому нужно его содержание. Вполне очевидно, что в представленном виде статья может заинтересовать очень узкий круг специалистов. Автор упускает возможность включить результаты своего исследования в более широкий контекст научной дискуссии и этим существенно снижает ценность своей публикации.

Актуальность темы, необходимость обоснования которой автор игнорирует, что, опять же, существенно снижает научную и общественную значимость публикации, безусловно заключается в кумулятивном накоплении знаний о принципах функционирования культуры как семиотической системы. Важность подобных знаний заключается в определении логики влияния культурных (семиотических, в частности) регулятивов на историческую событийность и потенцию современных социокультурных процессов.

Научная новизна представленного материала очевидна исключительно узкому кругу специалистов. Она заключается в авторской интерпретации культурологического смысла концепта «воля» в поэзии К. Д. Бальмонта, основанной на анализе эмпирического материала. Между тем, автор не разъясняет читателю, противоречат ли полученные им результат сложившимся научным представлениям, комплементарно их дополняет или дополнительно аргументирует. По существу, автор предлагает читателю самостоятельно изучить область его интересов, чтобы убедиться в наличии научной новизны представленного результата, что существенно снижает его научную ценность.

Стиль текста выдержан научный, за исключением упомянутых выше описок, замечаний нет. Структура статьи исключительно формально соответствует жанру изложения результатов научного исследования: в содержании введения нет необходимого научно-

методического обеспечения, итоговый вывод, хоть и в достаточной мере аргументирован в основной части статьи, граничит с банальным суждением (нет уверенности, что представленный результат не был опубликован прежде).

Библиография совершенно не раскрывает проблемное поле исследования: даже с учетом опоры исследования на анализ эмпирического материала, одной проанализированной автором научной работы недостаточно, желательно представить научный результат в контексте актуальных исследований за 3-5 последних лет с учетом анализа публикаций зарубежных коллег. Иначе не ясно, не устарел ли полученный автором результат, не изобретает ли автор очередной велосипед? Что, безусловно, существенно снижает научную ценность публикации.

Апелляция автора к оппонентам минимальна и носит исключительно комплементарный характер.

Интерес читательской аудитории журнала «Культура и искусство» ограничен узким кругом специалистов. Помимо исправления технических описок, рецензент, в качестве пожелания, рекомендует автору усилить научную ценность планируемой публикации с опорой на высказанные им замечания.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Культура и искусство» автор представил свою статью «Культурологический смысл концепта «воля» в поэзии К.Д. Бальмонта», в которой проведено культурологическое и философское осмысление творчества известного русского поэта.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что концепты как единицы ментальности, являются предметом пристального научного изучения как филологов, лингвистов, так и культурологов, философов, психологов. Концепт «воля» в своей многогранности – один из ключевых в поэзии Бальмонта и обращает к основам русской ментальности, а также раскрывает сближение Божественного и человеческого, свободного и творящего начал как доминант мировосприятия поэта серебряного века. Культурологический смысл концепта «воля» воплощает сущность Божьего мира и души поэта. Данный концепт сочетает в себе устремление к простору, вширь и ввысь – к бесконечности, свободе, родство поэта с Божественно-свободными и вечно изменчивыми стихиями Божьего мира и творящее начало как постижение души мира и собственной «полновольной» души.

Актуальность исследования определяется популярностью К.Д. Бальмонта и необходимостью научного культурологического обоснования многогранного творчества поэта.

Целью исследования является анализ культурологических смыслов, которые для поэта были связаны с концептом «воля». Предметом исследования является «воля» как один из ключевых культурологических концептов в творчестве К.Д. Бальмонта. Методологической основой исследования явился комплексный подход, включающий биографический, историко-культурный методы, а также художественный и семиотический анализ текста. Лингвокультурный подход позволил автору получить научные результаты, реализовав меж- и трансдисциплинарные связи при изучении феноменов культуры, которые базируются на языке.

В исследовании автор опирается на теоретические положения трудов таких исследователей как С.А. Аскольдов, В.И. Карасик, Н.А. Молчанова, Т.С. Петрова и др. Эмпирическим материалом послужили произведения и воспоминания К.Д. Бальмонта.

Научная новизна заключается в комплексном культурологическом анализе. Практическая значимость исследования определяется тем, что материалы исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества К.Д. Бальмонта, в преподавании культурологии и русской литературы XX века, семинарских и практических занятиях в средних специальных и высших учебных заведениях.

Для достижения цели исследования автор прослеживает эволюцию творчества поэта, в которой концепт «воля» раскрывает цепочку взаимосвязанных и взаимодополняющих смыслов: безбрежное хотение поэта-символиста, порыв вдаль и ввысь, обретение свободы, восхищение вольным миром и открытие в природе высшего Божественного начала.

На основе анализа «Под северным небом», «В безбрежности», «Тишина», «Горящие здания», «Будем как солнце» автор приходит к заключению, что словообраз концепта «воля» является ключевым в поэзии Бальмонта конца XIX и периода расцвета в начале XX века.

Воля как порыв освобождения и преодоления тесного земного удела порыв вдаль и вечное стремление ввысь прослеживается автором в произведениях «Птицы в воздухе», «Белый зодчий», «Только любовь», «Литургия красоты».

Автор отмечает возвращение Бальмонта к защите воли и свободы – уже в другом историческом контексте в своих книгах 1920-х годов, образующих единую «поэму о России». В книге «Марево» Божественная «благая воля» и «творящая воля», воплощённая в граде Петра, противопоставлена «злой воле», которая привела к «пролитью крови», забвению «вольной речи» и «вольного разума».

Вольными душами предстают отец и мать поэта в романе «Под новым серпом».

Проведя исследование, автор приводит ключевые положения своего исследования.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение динамики творчества художника, становления его стиля, влияния определенных социокультурных факторов на его творческий путь представляет несомненный научный и практический культурологический интерес и заслуживает дальнейшего изучения.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составила 29 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.